

УДК 821-84

САМОБЫТНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ИДЕОЛОГИИ ЧЕРНОЙ СОТНИ

Размолодин Максим Львович
к.и.н.
УФСБ РФ по Ярославской области, Ярославль, Россия

В статье рассматриваются базовые подходы черносотенной идеологии к проблеме разности западной и русской цивилизаций. Краеугольным камнем крайне правой концепции стала идея славянофилов о самобытном пути развития России, обусловленного различными факторами, в первую очередь, духовного порядка. Это стало основой для отрицания западных рецептов реформирования страны и утверждения тезиса об опоре на собственную религиозную и национальную традицию

Ключевые слова: ЧЕРНАЯ СОТНЯ, КРАЙНЕ ПРАВАЯ ИДЕОЛОГИЯ, САМОБЫТНОСТЬ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ, КОНСЕРВАТИЗМ, БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

UDK 821-84

ORIGINALITY OF RUSSIAN CIVILIZATION IN THE BLACK HUNDRED'S IDEOLOGY

Razmolodin Maxim Lvovich
Cand. Hist. Sci.
Yaroslavl Department of the Federal Security Service, Yaroslavl, Russia

The article covers basic approaches of the Black-Hundred's ideology to the problem of difference of the Western and Russian civilizations. Extreme-rights borrowed Slavophile conception about original way of Russian evolution caused by different factors, first of all, by religious reason. It was a foundations for negation of western proposals to reform the country and assertion of the thesis to support own tradition

Keywords: BLACK HUNDRED, EXTREME RIGHT IDEOLOGY, ORIGINALITY OF RUSSIAN CIVILIZATION, BASIC VALUES OF RUSSIAN CIVILIZATION, CONSERVATISM, BASIC VALUES OF RUSSIAN CIVILIZATION

Черная сотня возникла как политическое движение в разгар модернизационных процессов, охвативших Россию на переломе столетий, и объединило ту часть русского общества, которое испытывало критическое отношение к вестернизации и нивелировке самобытной русской культуры. Само появление своего движения черносотенцы объясняли необходимостью защиты духовной независимости русской цивилизации от непрекращающейся идеологической агрессии Запада. Если российские либералы в ответ на вызовы времени пошли по пути заимствования опыта европейских стран, порой без должного критического осмысления предлагая рецепты, не всегда соответствовавшие потребностям страны и русской политической традиции, то черносотенцы попытались отстоять «самобытный» путь развития России.

Крайне правые стояли на позициях цивилизационного

антиглобализма. Исходной позицией, которой руководствовались правомонархисты в подходах к решению основных вопросов государственного, политического и социально-экономического устройства империи, было признание особого, не схожего с Западной Европой пути развития России. В то время как либералы отстаивали тезис об «извечной отсталости» Российского государства, а уникальные национальные черты подвергались осмеянию как признак «недоевропы», именно консервативный лагерь пытался осмыслить продуктивность, историческую органичность и социальную обусловленность существования Российской империи и ее системы государственного устройства.

Рассматривая Российскую империю как отдельную цивилизацию, русский политический консерватизм выступал против стирания национально-территориальных границ и размывания России в некоем наднациональном или же надцивилизационном объединении. Отказ от «растворения» России в мировом сообществе и создание в противоположность Западному миру своего собственного «контрмира» обуславливалось богоугодностью русского пути. Для нейтрализации западнцентричных концепций черносотенцы использовали идеи славянофилов о видовой разности российской и европейской цивилизаций, отличности путей их развития и непродуктивности заимствования европейского опыта. Серьезную работу по обоснованию этих тезисов проделали поздние славянофилы Н.Я. Данилевский [1] и К.Н. Леонтьев [2], у которых черносотенцы заимствовали тезисы о видовом различии двух цивилизаций, имеющих совершенно разные, а порой и противоположные формы самовыражения. В частности, на страницах крайне правой печати находили отражение следующие позиции.

- *Отрицание универсальности мировых исторических законов.* Если в начале XX века пришедшее с Запада учение о социально-экономических формациях все более захватывало российских прогрессистов, то

черносотенцы безоговорочно приняли открытый и теоретически обоснованный Н.Я.Данилевским цивилизационный подход. Развивая славянофильский тезис о противоположности России и Запада, русский ученый в изданной в 1869 году книге «Россия и Европа» выдвинул концепцию об отсутствии в истории человечества линейного, однонаправленного восходящего эволюционного процесса и единой общечеловеческой цивилизации. Утверждая, что каждый народ мира, в особенности каждый великий народ, имеет свои, неповторимые в истории мира пути, он отрицал существование универсальных мировых исторических законов развития, которые были бы обязательны для всех народов истории и современности. По его мнению, народы, как и отдельные личности, имеют свое рождение и рост, цветение и увядание. Некоторые из этих народов образуют культурно-исторические типы, а другие остаются этнографическим материалом истории. Русская государственность, русская национальность и русская культура идут своим собственным путем, впитывая в себя ряд чужеродных влияний, но не повторяя путей никакой иной государственности, нации и культуры, истории и современности. Иначе говоря, если исходные точки у Западного мира и у России были различны, то вряд ли две цивилизации могли прийти к одинаковым результатам.

Данное открытие стало серьезным фундаментом для критики искусственной схемы прогресса и существования неких логических «законов истории», овладение которыми якобы позволяет человеческому сознанию не только лучше понимать прошедшее, но и утверждать будущее. Подобная теоретико-прагматическая установка, распространенная в среде западной интеллигенции, являлась исходным и незыблемым постулатом позитивистско-секулярного сознания во всех его проявлениях от либерализма и национализма до марксизма включительно. Проповедовавшийся прогрессистами подход к истории человеческого

сообщества с позиции теории «универсализма» вел к игнорированию конкретного культурно-исторического опыта. Обосновывая тезис об исторической «особости» России, черносотенцы вслед за славянофилами утверждали, что нельзя использовать мысли и формулы, выведенные из истории христианского Запада.

- *Отказ от градации степеней развития цивилизаций.* В сравнительном анализе проблемы «Россия - Запад» черносотенцы выступали против утвердившегося в среде «русских прогрессистов» позитивистского метода иерархической градации стран и народов, делившего их на «высшие», «прогрессивные», «передовые» и на «отсталые» и «нецивилизованные». В отличие от либералов для сознания черной сотни Запад никогда не имел значения абсолютной истины, что давало возможность взглянуть на собственную традицию и самобытность не как на явный признак «недоразвитости» или «ущербности», но как на особую и не менее самоценную и самобытную цивилизацию. Черносотенцы рассматривали тему «Россия - Запад» не с позиций «догоняющей модели» и «недоразвитости страны», но с позиции диалога двух разных, но равновеликих субъектов.

Критикуя либералов, абсолютизовавших демократическую форму правления как идеал и низведших в этой системе координат российское самодержавие в разряд отсталой формы властiuстроения, черносотенцы указывали на недопустимость строить общую теорию государства на опыте последних ста лет европейской истории и отбрасывать российский тысячелетний опыт. В этой связи они указывали, что показателем правильности пути развития страны является его результат. Продуктивность самобытного пути развития доказывалась успехами России, превратившейся за короткий исторический период из небольшого Московского княжества в огромную империю, занимавшую 1/6 часть земной суши. При неестественности или неорганичности развития России

результаты должны были быть иными. В контексте подобных представлений особенности устройства власти и общества рассматривались не как признаки отсталости, а как проявление самобытности. Крайне правые указывали, что сопоставление стран и народов совершенно немыслимо через призму религии и культуры, которые, как явления духовного порядка, не имеют никаких формальных, «стадиальных» признаков.

Сами европейцы часто лили воду на мельницу черносотенцев, признавая Россию чуждой своей цивилизации, а русских - варварами. В отличие от русских либералов у черносотенцев это не вызывало чувства национально-государственной ущербности. Неоднократно подчеркивая особенность исторической судьбы России, специфический характер ее возникновения и развития, уникальность ожидаемого будущего, черносотенные публицисты указывали на необходимость сохранять национальное и государственное достоинство.

Проблемы идентификации России как части Европы или Азии для черной сотни не существовало. Рассматривая Россию как самобытный феномен, имевший особую власть, правовую и институциональную систему, а также специфический социокультурный комплекс, одинаково четко отличавшийся и от Европы, и от Азии, крайне правые идеологи утверждали, что Россия - православная цивилизация, основные черты которой отчетливо определились раньше, чем европейское влияние или азиатские нашествия могли наложить свой отпечаток. Существовая длительное время рядом с Западной Европой, имея множество разнообразных связей с ней, перенимая многие черты бытового уклада, черпая там технологические и технические новации, России удавалось сохранять свою «самость», невзирая на чужеземные «ветры перемен», веявшие с Запада. Идея единственно приемлемого для черной сотни иноземного влияния была сформулирована и разработана

Н.К.Леонтьевым: «Сила наша, дисциплина, история просвещения, поэзия одним словом, все живое у нас сопряжено органически с родовой монархией нашей, освященной православием, которого мы естественные наследники и представители во Вселенной. Византизм организовал нас, система Византийских идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами, с нашим, еще сырым и грубым вначале, славянским материалом...» [3, с.14]. Высказанная К.Н.Леонтьевым концепция о сильном влиянии византизма на духовные и государственные основы Руси позволяла черной сотне нейтрализовывать т.н. западноевропейское влияние и утверждать самобытность России как наследницы павшей под ударами как мусульманских врагов, так и «католических братьев» великой православной цивилизации. Вслед за Леонтьевым в июле 1907 года «Русское знамя» утверждало: «Русский народ перенял религию и цивилизацию от греков как нечто родное и явился единственным достойным преемником греческой цивилизации» [4].

Применяя открытый Данилевским цивилизационный подход и «византийскую» концепцию Леонтьева, черносотенные идеологи на страницах своей литературы обосновывали следующие позиции разности европейской и русско-православной цивилизаций.

1. Разность вероисповедального и духовного строя. Являясь наследницей Византии, Российская империя как православная цивилизация в своем культурно-цивилизационном измерении на протяжении веков имела существенные отличия как от западных соседей, так и стран Востока. Принципиальная причина - разница всего строя духовной жизни. Большинство славянских народов исповедуют православие, а германороманские - католицизм или протестантство. Русские сердцем восприняли учение Христа и его заповеди: «Русский народ все прощает, подражая самому Христу...». Православие глубоко проникло в душу русского народа, который «повинуется Богу не по принуждению, как Богу

католичества, богу-ревнителю, жестоко карающему всех ослушников воли Папы Римского. Нет он повинуется по своей воле тому Богу, который в правде и милости и который возлюбил людей и вследствие их грехов для их же спасения послал Сына Своего на землю для страданий...» [5].

В отличие от русского западноевропейские народы не восприняли христианство «сердцем и душой», о чем свидетельствовала вся многовековая кровавая история Европы. Черносотенцы популяризировали тезис Данилевского о том, что происхождение католичества объяснялось характером германо-романских народов, существенная черта которых - насильственность. Оставаясь лишь внешне приверженцем христианства, западное общество не смогло преодолеть свою этническую предрасположенность к жестокости, а потому сохраняло верность языческому принципу: «Человек человеку волк». Наоборот, «братство у русского народа основывается на христианской любви – возлюби ближнего твоего, как самого себя, на сознании, что все – братья по Христу и что у всех один Отец небесный» - утверждала черносотенная пресса [6]. Поэтому, если католический мир уничтожал и жестоко грабил покоренные народы, то православные цивилизации (византийская и русская) несли завоеванным народам культуру и просвещение.

2. Разность властiuстроительных систем. Из разности духовного строя истекала разность политической организации государства. В первую очередь, отличия проявлялись в разности сакрально-идеократических основ русской православной самодержавной монархии и монархических образований Западной Европы. Русская государственная традиция, основывавшаяся на православном понимании мироустройства, жестко противоречила западным идеям либерализма и социализма. Идеи демократии русские монархисты противопоставляли тезис об отказе народа от участия в политической деятельности в пользу самодержца, власть которого имеет божественное происхождение и не подчиняется

«многоятежному человеческому хотению». Своеобразную трактовку черносотенцы давали и понятию свободы, которая понималась как спокойствие духа и гарантии безопасности: «Русский народ, будучи уверен, что о нем печется Бог и православный Царь-помазанник, является наиболее политически свободным народом»; «Свобода русского человека заключается в свободе совести. Русский крестьянин сам хочет поступать по совести, а не по выгоде и делает то, что велит ему царь и Бог. Он одобряет только ту деятельность, где видна христианская добродетель и смирение. Он поступает только так, как велит ему совесть: молится, постится, трудится; беспрекословно повинуется, если убежден, что ему надо повиноваться, и умирает на посту и на службе, не сказавши ни единой жалобы, примерами чего полна русская история» [7].

Во-вторых, отличие в государственных устройствах, выработанное народами Европы и России, состояло в заложенных при их формировании принципах. Европейская система власти формировалась в результате многовековой борьбы различных государственных и церковных институтов, классов и социальных групп, что обусловило историческую разобщенность западного общества в отличие от спаянного православием русского: «Среди граждан Англии идет такая же борьба, как и в Риме между патрициями и плебеями, между оптиматами и пролетариями» [8]. Свою лепту в борьбу «всех против всех» вносили постоянные войны, в результате которых покоренные народы старались избавиться от завоевателей: «Английское королевство было основано Вильгельмом Завоевателем, морским пиратом, который узурпировал трон Англии и захватил английские земли вместе с проходимцами всей Франции. Как и Рим, Англия составила из племен враждебных друг другу по цивилизации и по крови». Российское государство родилось в результате сотрудничества сословий, постоянно боровшихся за выживание с соседними племенами и государствами. Необходимость концентрации внутренних сил обусловило

формирование особой государственной системы – самодержавной монархии, не имевшей аналогов на Западе. В отличие от западноевропейских государств, где различные социальные слои вели непрекращающуюся борьбу за права, русский народ, стремясь к освобождению от иноземных нашествий, поддерживал московских князей, которые «сообразовывали свои желания с желаниями народа, постепенно объединяя Русь в своих интересах и интересах народа, стремясь свергнуть иго» [9].

В-третьих, разность двух цивилизаций проявлялась в приоритете правового формализма на Западе и духовно-нравственных основ на Востоке. В то время как развитие европейских народов шло в непрерывной борьбе за свои права, что привело к чрезмерному развитию личностного (индивидуалистического, эгоистического) начала, русский народ постоянно отстаивал свое право на существование, что создало основу для утверждения коллективности и соборности. Начало личности вело к борьбе, заканчивавшейся договорами и строгим следованием нормам права. Начало общенародное вело за собою доверие и утверждение нравственных норм. Главное различие в двух подходах проявилось в абсолютизации права на Западе, проявлявшееся в выполнении буквы закона, а не его смысла. «Правильная алгебраическая формула, — заявлял Хомяков, — была действительно тем идеалом, к которому бессознательно стремилась вся жизнь европейских народов» [10, с.15]. Запад «пал жертвой» внешнего принуждения, «внешнего закона», в то время как Россия создала себя, опираясь на закон внутренний, повинуюсь нравственному велению. «Даже само слово «право» означало у нас только справедливость, правду», — резюмировал И.В. Киреевский [11, с.115].

Подход к узловой проблеме государственно-социальной организации у черносотенцев базировался на признании бесспорного приоритета абсолютного нравственного начала. Существование в нации сильного

религиозно-нравственного идеала определило доверие народа к власти и его единение с царем. Они отвергали западноевропейский «юридический формализм», не видя за правом никакого иного обоснования, кроме нравственного. В Англии католическая церковь проповедовала: «Повинуйтесь королю, даже дурному» [12]. Противоположность представляла Россия, где осмысленное понимание православия являлось верной гарантией самодержавия, формировавшего тип русского царя с идеальными, бескорыстными, чуждыми интересам минуты стремлениями, основанными на заветах Христа и первых христиан. Следование строгой законности на Западе прямо вело к водворению парламентского верховенства: парламент укреплял законы, законы усиливали власть парламента. Право ставилось чернотенцами в неразрывную связь с обязанностью, и подобный подход соответствовал традиционной православной трактовке. «Русский народ свободно и добровольно повинуется своему царю-батюшке, а не по принуждению, потому, что он убежден, что у него православный царь, помазанник Божий; и потому все исходящее от престола царя, как и от престола Божья, полно одной только Высшей правды, чуждой всего житейского и своекорыстного. У него православный царь, а не король католический, которому надо повиноваться, даже если он несправедлив. Если народ будет хоть немного сомневаться в справедливости своего царя, никакие силы в мире не заставят народ повиноваться ему, любить и почитать его, что и было с Борисом Годуновым – царем Иродом, как его называл народ» - писало «Русское знамя» [13].

Западные государства являлись наследниками римской цивилизации и римского права, для которых было характерно признание земного происхождения верховной власти. В отличие от православной концепции государства, где только Бог являлся источником власти монарха, на Западе король мог быть ограниченным, так как получал власть не непосредственно от Бога, а от Папы Римского [14]. Концепция земного

источника власти получила дальнейшее развитие во времена Реформации, когда в западной общественной мысли начал утверждаться приоритет формального права. В эпоху Просвещения (XVIII в.) он приобрел характер нерушимого канона, а соблюдение «положительного закона» провозглашалось неременным долгом всех и каждого. Французская революция, окончательно порвав с понятием государственного религиозного авторитета, утвердила принцип подчинения и служения «народному суверенитету», в том беспрекословном виде, как это было сформулировано в Декларации прав человека и гражданина 1789 года. Это собрание норм полностью исключило сакральные понятия из своего лексикона.

Россия являлась наследницей греческо-византийской цивилизации, где между верховной властью и народом утверждалась нравственная связь. Русский человек неразрывно связывал свое существование с Россией и ее государственным строем, употребляя характерные выражения: царь-батюшка, Русь-матушка, сравнивая солнце с царем, луну с царицей, а звезды с их детьми – подданными империи. Православие видело в государстве необходимую форму человеческого бытия, а потому духовенство в России являлось помощником верховной власти, радея о благе Родины и строго порицая делающих дурные поступки монархов. Богоустановленность власти царя обуславливала недопустимость ограничения его полномочий. «Поэтому-то все попытки ограничить царское самодержавие и в допетровской и после петровской Руси кончались ничем точно так же, как и в наше лихолетье, так как эта затея верхов, честолюбцев, инородцев и особенно евреев не встречает не только поддержки со стороны народных русских масс, но даже получает решительный отпор» - утверждали черносотенные публицисты [15]. Здесь проявлялся разрыв секулярного мировоззрения с религиозным, который в 1884 году отметил один из идеологов славянофильства И.С. Аксаков: «С точки зрения западноевропейского исторического опыта, возведенного в философскую

теорию, с точки зрения западноевропейской науки государственного права русское историческое государственное начало — не более, как *ponpens*, аномалия. Для него нет юридической нормы в западноевропейской науке» [16, С.149-150].

В предлагавшемся черносотенцами контексте самобытности российское самодержавие предстает не некой гнетущей, чужеродной величиной, а естественной и организующей формой властиустройства, уместной и необходимой именно в такой стране, как Россия. Черносотенцы отказывались оценивать достоинства и недостатки самодержавия через призму его соответствия западноевропейским стандартам. Такой взгляд, достаточно распространенный в среде русской интеллигенции, рассматривался как выражение пренебрежения к русским национальным традициям. Утверждая невозможность рассмотрения русской системы организации власти в западоцентричной системе координат, идеологи черной сотни заявляли, что она являлась не имевшим аналогов историческим феноменом, а потому не могла подлежать сравнительно-оценочному анализу. Этот организм нельзя изменять, не учитывая его особенностей и специфики, следовательно, социально-экономические институты не могли быть механически заимствованы извне или же сконструированы. Устойчивость самодержавной модели как системы политического устройства являлась проявлением политико-правовой автономности культурного геотипа. «Выйдя из-под ига татарского, русский народ начал самобытно развивать свою цивилизацию и мечтал о мировой задаче - о царе царей-императоре, живущем в Царьграде и своим правлением вносящем мир и счастье на всю землю, так как самодержавие русского православного царя неразрывно слито с идеями свободы, равенства и братства» - утверждала черносотенная пресса [17].

Разрыв западного общества после Великой французской революции с сакральным абсолютном еще более усугубил пропасть в разнице духовных

основ двух цивилизаций. Если Российская империя оставалась форпостом христианства в православном его проявлении, то Запад таковым быть уже перестал, положив в свое основание материализм и рационализм. Вслед за славянофилами черносотенцы заявляли, что в основании европейских государств - насилие, рабство и вражда. «Необходимые свойства европейской цивилизации, бездуховной по существу — вражда, ненависть, разобщенность, узкий личный материалистический эгоизм, господство материальной силы, рабство духа и души» - писал в августе 1910 года «Вестник Союза русского народа» [18].

Цивилизованные народы Европы объявлялись нравственно ущербными, а потому не могущими быть ориентиром для русского народа. «В жизни Англии не воплотились идеи свободы, равенства и братства; вместо совести, дающей человеку истинную свободу, у них – закон; вместо равенства – господство права, вместо права – упорная партийная борьба, а прогресс у них часто идет ко вреду ближних» - утверждала черносотенная пресса [19]. Отказ от христианских ценностей оборачивался духовной деградацией: «...Англия не может считаться культурной со своей безнравственной политикой, а уподобляется хитрому животному» [20]. Утверждалось, что даже отсталые народы Азии обладали более высокой нравственностью. Западу противопоставлялся Китай, который с внешней стороны вряд ли мог считаться цивилизованной страной, но «по духовной же культуре он более христианин, чем англичане, которые состоят христианами». Крайне правые поучали Запад: «Не богатство, не меч управляет нациями, а главным образом высшая духовная культура. В разрешении всех государственных вопросов мы должны проникнуться христианской идеей и ... согласно ей решить все вопросы и только тогда мы будем в мире и покое жить» [21]. Примером была Россия, где православие возвышало человека до Бога: «Это и есть свобода, равенство и братство, которые охраняет Россия» [22].

Черносотенцы не отрицали научных и технических достижений Запада. Однако европейская цивилизация объявлялась порождением несовершенного человеческого разума. Материальный прогресс неминуемо оборачивался потерей духовности, веры в Бога, патриотизма, братского отношения и сочувствия к единоплеменнику, нравственным разложением, доминированием эгоизма, расчета, алчности, коварства и жадности, ориентацией на материальные ценности и безудержного потребительства. Председатель СРН А.И.Дубровин писал о европейской цивилизации: «Не страшна нам эта старая колдунья. Поверьте: у нее нет прозорливости, потому что нет ни истинной веры в Бога, ни чистого великодушного сердца, ни истинного патриотизма, без которых все ее пресловутые качества не чистый металл, а поддельный сплав. Она занята одним – самообожание и самопоклонением. Ее Бог – рубль... Силы ее духа обращены на себя и потому в нападках на нас она довольствуется только односторонним оружием подкупа, интриг и выслеживания чужой беды» [23]. Общеизвестным в черносотенной среде был тезис о загнивании Запада: «...они уже давно умерли, разлагаются и издают невыносимое зловоние и скоро, скоро совсем разрушатся» [24, с.10.]. Один из представителей позднего славянофильства М.В. Юзефович заявлял, что покорение сил природы суть подготовительный класс развития человечества. Запад более или менее справился с этой задачей: «Западноевропейские народы оказали человечеству величайшую услугу, приготовив для будущего человека, каким он быть должен, вполне возделанную почву» [25, с.8]. Возводить здание христианского общества на этом фундаменте будет сохранивший православную веру русский народ.

Разным был и смысл существования двух цивилизаций. Если Запад находил цель в обеспечении собственного благосостояния, в первую очередь за счет ограбления покоренных народов, то существование России черносотенцы объясняли не столько причинами субъективного порядка,

сколько Промыслом Провидения. Богоизбранничество и богоугодность русского пути не подлежали для них сомнению. Действуя на конкретном политическом поле и будучи вовлечены в процесс непосредственной политической борьбы, они не имели возможности серьезно задумываться над смыслом исторического бытия и предназначения России. Здесь они полностью опирались на опыт православной историософии о неразрывной связи истории, культуры и сознания России с православием, предназначением которой является не построение «земного рая» и «общества социального благополучия», а миссия охранения православия. Крайне правые полностью приняли формулу освятившего знамени Союза русского народа Иоанна Кронштадтского, что «Русь дана миру, чтобы свидетельствовать ему правду о Христе». В отличие от западного мира, находившего цель в самоутверждении в земном мире, подчинении и переделывании его под собственные замыслы, историческим предназначением России являлось указать миру путь духовного спасения. «Православный русский царь как защитник православия на всей земле и покровитель всех славянских народностей в сознании славянских народов является и будущим всеславянским императором и царем царей, каковым он и являлся в сознании русских XVI века» - писало в июле 1907 года «Русское знамя» [26].

Из видовой разности европейской и российской цивилизаций проистекал тезис о неприменимости в российской действительности западных рецептов. Черносотенцы опровергали абсолютизированный западниками тезис о том, что все положительные явления в русской истории были результатом воздействия «прогрессивного Запада». Признавая формально бесспорные утверждения об «иностранным влиянии», черносотенцы обращали внимание на главный показатель продуктивности «воздействия» - его результат. И здесь их оценки с западниками полностью расходились. Указывалось, что западные

заимствования и подражания возведенного в культ реформатора Петра I привели страну к национальной и культурной катастрофе: «Преобразованная Россия отказалась от самобытного развития своих государственных институтов и своего государственного права, заимствуя все от Запада, сохранив самобытность только в языке, костюме, народной литературе, т.е. в том, что само по себе не может дать самобытного развития, а есть только продукт. Преобразованная Россия отказалась от самобытного развития и от этого не выиграла ни в материальном, ни в духовном отношениях и дошла до унижения в международных делах и внутренней революции» [27]. Прозападная политика царя-реформатора привела к упадку экономики, уровня жизни населения и в конце его «царствования народ обеднел, а прикрепленные к земле крестьяне превращаются в рабов» [28]. Реализовать мечту о повышении материального благосостояния народа за счет разрушения традиционной Руси Петру не удалось.

Черносотенцы указывали, что западные влияния на русской почве всегда приводили к плачевным для заимствующей стороны последствиям, приобретая на русском фоне уродливые черты. На страницах монархической литературы приводился показательный пример кадетской партии, являвшейся оплотом в стране европейского либерализма и главным пропагандистом его социальных норм. Выступая на словах за «правовое государство», «верховенство закона», «неприкосновенность частной собственности», «права граждан», «толерантность», в своей партийной практике кадеты грубо игнорировали неприемлемые для них законы (Выборгское воззвание), признали возможность насильственного перераспределения земельной собственности, неизменно демонстрировали пренебрежение к своим оппонентам справа. Осуждая правительственные репрессии, они ни разу не осудили злодеяния революционеров. «Горячо порицая смертные казни над преступниками, кадеты отказывались

высказать свое осуждение насильникам и убийцам верных слуг царя и Отечества. Они при всяком случае клеветали и позорили русскую армию и закончили свою «патриотическую» деятельность Выборгским воззванием к бунту и Гельсингфорским двусмысленным объяснением» - говорилось в обращении Русского собрания и СРН, распространенном в начале 1907 года [29]. Лидера кадетов П.Н.Милюкова неоднократно обвиняли в государственной измене, в частности в получении денег от болгарского и финнского правительств для лоббирования в Думе чуждых интересов [30]. Факт получения денежных «вспомоществований» от российских евреев для продвижения законопроектов об отмене черты оседлости кадетами даже не скрывался.

Черносотенцы не были узкими западофобами, признававшими все русское наперед самым лучшим и единственно верным. Они ставили вопрос о «самобытном пути развития России, которое возможно лишь на ниве национальных духовных и государственных традиций. Бог, царь, Россия являлись для них символами, позволявшими русскому народу идентифицировать свое место в мире и понять свое будущее предназначение. Открещиваясь от западного мира и революции, черносотенцы видели спасение в развитии исконно русских начал. В самом сжатом виде эти принципы сформулировал Н.А. Энгельгардт, который на одном из монархических съездов предложил вместо обширной и невразумительной программы начертать на черносотенном знамени «несколько кратких и сильных выражений»: «Россия для русских! За Веру, Царя и Отечество! За исконные начала: Православие, Самодержавие и Народность! Долой революцию! Не надо конституции! За самодержавие, ничем на земле не ограничиваемое!» [31, с.62].

Базируясь на консервативных позициях, черносотенцы отвергали западноевропейский тип государственных учреждений и институтов (парламент и конституция), западные образцы духовного и культурного

развития (заимствования в этой области квалифицировались как космополитизм, который разрушает самобытную культуру России), западный вариант индустриального развития, ведущий к пролетаризации значительной части населения и т.п. Особое неприятие испытывалось к евро-атлантической политической культуре в целом, навязывание которой, по их мнению, представляло угрозу русской цивилизации. Опираясь на ключевые постулаты идеологии государственнического консерватизма, разработанные русскими охранителями М.Н.Катковым, К.П.Победоносцевым, В.П.Мещерским, Д.А.Толстым, черносотенцы считали, что только монархическая система могла помочь обществу сохранить равновесие, избавив его от крайностей диктатуры и анархии и проведя его через период модернизации, укрепить традиционные константы российской государственности. Отмечавший склонность русского народа либо к монархии, либо к анархии, Л.Тихомиров считал, что власть вынуждена балансировать между охранением и реформами, между «сдерживанием» и свободой. Поэтому насилие не исключалось из арсенала государственной политики, но должно было быть ограничено нравственно - религиозными и правовыми рамками. Самодержавная система, осененная религиозным идеалом, должна была служить залогом грядущего величия российской государственности, знаменуя собой особый путь развития России. Разумеется, крайне правые признавали неизбежность реформ, но считали необходимым, чтобы реформы соответствовали охранительным началам и укрепляли государство. В этом отношении руководящими словами для черной сотни стали слова Николая II, подчеркивавшего опору на традицию: «Только то государство и сильно и крепко, которое свято хранит заветы прошлого».

Для черносотенцев уникальность и самодостаточность русской цивилизации основывалась на традициях, обычаях, моральных и материальных ценностях, унаследованных от предшествующих поколений

и взаимосвязанных между собой. Для русского консервативного сознания, православного по своему исходному признаку, сопереживание истории являлось характерной, базовой чертой. Здесь-то и проявлялось то восприятие единства «потока времен», «связи времен», неразрывности «вчера – сегодня – завтра», которое отличало консервативное сознание вообще и русское консервативное сознание в особенности. Стабильность, равновесие, постепенное обновление - вот принципы, следуя которым общество могло обеспечить себе будущность. Поэтому никакие мерки, рецепты, программы и идеологии, заимствованные откуда бы то ни было извне, считались неприменимыми для путей русской государственности и культуры. Данный поход был озвучен в брошюре «Революционеры и черносотенцы» члена Главного совета СРН А.А.Майкова: «Черносотенники желают полного переустройства русской жизни, осуждают всю правительственную политику, как внутреннюю, так и внешнюю, всего последнего времени и желают самых коренных реформ. Но только они домогаются, чтобы реформы эти были произведены в духе русского народа, согласно с его историей, чтобы реформы явились естественным развитием всего созданного русским народом, а не являлись бы насильственным навязыванием чуждым русскому народу учений и учреждений» [32, с.30]. В качестве основного метода этого предлагалось обращение к собственной истории в целях поиска в «ней более совершенных и самобытных форм управления государством, а не в чуждом нам, давно отжившем западном конституционализме, который многолетним опытом уже доказал свою полную непригодность» - писало в феврале 1907 года «Русское знамя» [33].

Таким образом, среди сотни политических партий России черносотенцы не без основания позиционировали себя как единственное политическое движение, базировавшееся на исключительно русской духовной и исторической почве, не имеющее никаких мировых претензий и

отрицающее всякие универсальные рецепты. Основное различие между двумя противоборствовавшими лагерями состояло в идейных корнях их мировоззрений: если либеральный и революционный лагерь по своей сути являлся транслятором различных западных политико-социальных концепций, то черносотенцы выступали в качестве единственной самостоятельной национальной политической силы, опиравшейся исключительно на почвенническую базу. Уход черной сотни с политической арены знаменовал собой начало борьбы между различными направлениями западничества.

Библиографические ссылки:

1. См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
2. См.: Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). М., 1996.
3. Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. М., 1912. Т.7.
4. Русское знамя. 1908. 17 июля.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же. 1908. 15 июля.
10. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. СПб., 1900. Т.1.
11. Киреевский И.В. Полное собрание сочинений. М., 1911. Т.1.
12. Русское знамя. 1908. 17 июля.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Аксаков И.С. Сочинения. М., 1887. Т.5.
17. Русское знамя. 1908. 17 июля.
18. Вестник Союза русского народа. 1910. 6 августа.
19. Русское знамя. 1908. 17 июля.
20. Там же. 1907. 29 июня.
21. Там же.
22. Там же. 1908. 17 июля.
23. Там же. 1907. 10 июня.
24. Иллиодор. Правда о Союзе русского народа, Союзе русских людей и других монархических партиях. Одесса, 1907.
25. Юзефович. М.В. Несколько слов об исторических задачах России. Киев, 1895.
26. Русское знамя. 1908. 17 июля.
27. Там же.
28. Там же. 15 июля.

29. ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. N 17/34.
30. Русское знамя. 1916. 9 января.
31. Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве: Протоколы. Киев, 1906.
32. Майков А.А. Революционеры и черносотенцы. СПб, 1907.
33. Русское знамя. 1907. 22 февраля.